

2. Теория эффекта домино в региональной интеграции, выдвинутая в 1993 г. Р. Болдуином, рассматривает расширение объединений стран со стороны спроса. Согласно предложенной концепции, расширение происходит в связи с усилением давления на страны, не являющиеся членами существующего блока, из-за ухудшения их конкурентных позиций на внутреннем рынке объединения.

3. Расширение интеграции в Европе может быть в значительной степени объяснено эффектом домино. Однако, на процесс европейской регионализации в XXI в. значительное влияние оказывал и геополитический фактор.

Берсенёв В.Л.¹

Институт экономики УрО РАН
г.Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

PROBLEMS OF CROSS-CULTURAL INTERACRTION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION

Eurasian economic integration process runs against difficulties associated with political, cultural and religious differences of the participating countries. The certainty that due to its civilizational potential Russia can realize the «Eurasian project» as the integration for the sake of modernization is expressed.

Процесс евразийской экономической интеграции наталкивается на трудности, связанные с политическими, культурными и религиозными различиями стран-участниц. Высказывается уверенность, что Россия, опираясь на свой цивилизационный потенциал, может реализовать «евразийский проект» как интеграцию ради модернизации.

В середине июня 2011 г. исполнилось десять лет с момента образования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Поскольку в качестве главных её задач были провозглашены укрепление стабильности и безопасности государств-участников, включая борьбу с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и наркотрафиком, а также развитие экономического сотрудничества, энергетического партнёрства, научного и культурного взаимодействия, на протяжении всего десятилетия ШОС пытались сравнивать и с НАТО, и с Европейским Союзом.

---

¹ *Берсенёв Владимир Леонидович* – ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, доктор исторических наук, профессор.

Всякая аналогия «хромает», тем более в данном случае, поскольку ШОС изначально не позиционировала себя ни как военный блок, ни как экономический и валютный союз с перспективой преобразования в союз политический. Тем не менее, итоги прошедших десяти лет позволяют сделать определённые выводы относительно того, во что же именно превратилась Шанхайская организация сотрудничества, каковы в настоящий момент ведущие направления взаимодействия стран-членов и в каких сферах следует ожидать наибольших результатов от соединения усилий России, Китая, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана.

На высоком межгосударственном уровне эти и иные вопросы обсуждались на юбилейном саммите ШОС, состоявшемся в Астане. Перед II Международной конференцией «Проблемы международного сотрудничества в рамках ШОС» (28-30 сентября 2011 г.) стояла аналогичная задача – обсудить прошлое, настоящее и будущее организации, но – в кругу учёных, представляющих не только Россию, но и другие страны-члены.

Площадками для проведения конференции стали Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург) и Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). С российской стороны в ней также участвовали учёные и преподаватели из Уральского федерального университета, Уральского государственного экономического университета, Института международных связей и Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург), Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск) и Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (г. Биробиджан).

Китай представляли сотрудники Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН) во главе с заместителем заведующего Центром по исследованию истории и географии приграничных районов Китая Син Гуанченем, а с приветственным словом к участникам конференции обратился также находившийся в тот момент в Екатеринбурге с деловым визитом вице-президент КАОН Ли Ян.

Республики Средней (или, как теперь часто говорят – Центральной) Азии были представлены директором Института экономики АН Республики Узбекистан, д.э.н., профессором А.Ф. Расулевым (г. Ташкент) и к.э.н., профессором Казахского экономического университета им. Т. Рыскулова А.С. Сейдахметовым. Кроме того, можно сказать, активное заочное участие в обсуждении заявленных в плане конференции вопросов приняли ректор Казахского экономического университета им. Т. Рыскулова, д.э.н., профессор А.А. Абижев и директор Института экономики АН Республики Таджикистан, д.э.н., профессор Н.К. Каюмов.

Для обсуждения были предложены три тематических направления:

- Проблемы и перспективы экономического сотрудничества;
- Межкультурные коммуникации;
- Взаимодействие стран ШОС и Европейского Союза.

Общую тональность выступлений задал доклад директора Института экономики УрО РАН, академика РАН А.И. Татаркина на тему «Стратегия развития России в условиях глобальной нестабильности с учётом опыта стран-

членов ШОС». Мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. подверг серьёзным испытаниям национальные экономики многих ведущих стран мира, а перед Россией со всей остротой поставил вопрос о переходе от сырьевой модели развития к инновационной, предполагающей коренную модернизацию самых разных сторон нашей жизни. Об аналогичных проблемах говорил и А.Ф. Расулев, подчеркнувший, что в условиях кризиса объективной необходимостью становится стремление к глобальному партнёрству. В докладе А.А. Абишева и А.С. Сейдахметова также говорилось, что в странах ШОС есть понимание того, что вопросы социально-экономической модернизации являются одним из приоритетов развития. Несмотря на то, что исторически ШОС задумывалась как организация, призванная решить ряд вопросов приграничного характера, связанных с традиционными угрозами безопасности, ныне она всё более ориентируется на современные вызовы (экономический кризис, экологические проблемы), а также на вопросы регулирования внешней торговли, инвестиционных потоков, развития транспортных коммуникаций, энергетики, кредитно-банковских отношений, сельского хозяйства и т.д.

Отдельной темой для обсуждения стали вопросы энергетического сотрудничества стран-членов ШОС. В данном аспекте были сопоставлены российская точка зрения, представленная д.э.н., профессором УрГЭУ Л.М. Капустиной, и взгляд китайской стороны, отражённый в докладе Сунь Ли. Общим выводом стало утверждение, что в связи с углублением степени их взаимозависимости, укрепление двустороннего и многостороннего энергетического сотрудничества в глобальной и региональной сфере должно стать неизбежной тенденцией. При этом Л.М. Капустина выразила надежду, что координация вопросов в энергетической сфере, скорее всего, приведёт к созданию некоего специального органа внутри ШОС, а Сунь Ли предложил создать в рамках организации фонд энергетики и библиотеку энергетических проектов.

Вариант геоэкономического механизма для углубления сотрудничества стран-членов ШОС предложила д.э.н., профессор УрФУ Е.Д. Фролова. Выделенные ей пять направлений геоэкономического сотрудничества могут стать основой парадигмы внешнеэкономических связей, которая позволит выстроить отношения с партнёрами по ШОС на основе равноправного сотрудничества, обеспечивающего всем сторонам участие в перераспределении мирового дохода в соответствии с вкладом каждой стороны. Союз Фуци предложил развивать в рамках ШОС финансовые институты, аналогичные структурным фондам в системе институтов Европейского Союза.

Нюансы приграничного сотрудничества и торговых контактов между регионами России и Китая затронули в своих выступлениях Син Гуанчен и аспирантка Института экономики УрО РАН Е.Ю. Лосева. О сотрудничестве между регионами Дальнего Востока и сопредельными территориями Китая в сферах минеральных ресурсов и лесопользования говорили д.э.н., профессор Н.В. Ломакина и д.э.н., профессор Н.Е. Антонова из Института экономических исследований ДВО РАН. Любопытные тенденции в динамике миграционных потоков из стран-членов ШОС в дальневосточные субъекты Российской

Федерации раскрыла к.э.н., старший научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН С.Н. Мишук.

Хотя экономическая проблематика и преобладала среди выступлений, отдельной темой для обсуждения стали новые вызовы, с которыми столкнулась Шанхайская организация сотрудничества, о чём в частности, говорил д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Института международных связей В.М. Русаков. Свой взгляд на проблемы развития организации в свете саммита ШОС, прошедшего в Екатеринбурге в июне 2009 г., представил д.и.н., профессор, заведующий кафедрой востоковедения УрФУ В.А. Кузьмин. Специфику дискурса межгосударственных кросскультурных коммуникаций на примере официальной чайной церемонии раскрыла д.полит.н., профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН О.Ф. Русакова.

Ещё одним актуальным вопросом при обсуждении стало взаимодействие ШОС с другими международными организациями, в частности – с Европейским Союзом и НАТО. Центральное место здесь занял доклад д.и.н., профессора УрФУ А.Г. Нестерова, отметившего, что страны ЕС активно идут на двустороннее сотрудничество со странами-членами ШОС, но предпочитают избегать серьёзных деловых контактов с организацией в целом. Если же вновь обратиться к вопросу об аналогиях, то конференция пришла к выводу, что ШОС никогда не станет «вторым ЕС» хотя бы потому, что как у организации, так и её членов преобладают иные приоритеты и ценности, вследствие чего интеграция в рамках ШОС будет носить свой, отличный от европейского, характер.

Эта специфика определяется, прежде всего, отсутствием общей наднациональной идеи. Хотя евроинтеграция начиналась с прагматичного по сути «плана Шумана» – проекта объединения каменноугольной, железорудной и металлургической промышленности ряда западноевропейских государств, сам Робер Шуман, на рубеже 1940-1950-х годов – министр иностранных дел Франции, стремился также и к достижению цели особого рода. Его семья происходила из городка Эвранж в Лотарингии – провинции, в которой тесно переплелись французская и немецкая культуры. Наряду с Эльзасом она также была предметом территориальных споров между Францией и Германией, решавшихся в основном военным путём. Поэтому в своей декларации от 9 мая 1950 г. Р. Шуман говорил в первую очередь о ликвидации векового противостояния двух близких ему лично стран, которое можно было преодолеть через экономическую интеграцию, и в первую очередь – поставить «франко-немецкое производство угля и стали в целом под управление общего Верховного органа в рамках организации, открытой для участия других стран Европы. Объединение производства угля и стали должно сразу же обеспечить создание общей основы для экономического развития в качестве первого шага к Федерации Европы, а также изменит судьбы тех регионов, которые с давних

времен занимались производством боеприпасов, от которых они сами чаще всего и страдали»¹.

Наличие у ядра евроинтеграции – первых шести стран, образовавших Европейское объединение угля и стали – общих политических и культурных ценностей обусловило успех и на пути координации экономической политики, что сначала привело к появлению ещё двух сообществ – ЕЭС и Евроатома, а впоследствии и к возникновению Европейского Союза. Страны-члены ШОС в этом плане лишены такого рода общей платформы. В рамках организации представлены политические режимы разной степени демократичности либо недемократичности. Советское культурное наследие, не утраченное в России, в республиках Средней Азии сохраняет свою ценность и значимость преимущественно в старших возрастных группах, а китайский культурный код настолько специфичен, что не может адекватно восприниматься представителями иных народов. Религиозная же ситуация в регионе такова, что православная Россия, мусульманская Средняя Азия и буддистско-конфуцианский Китай по определению не в состоянии сформулировать некие общие сакральные идеи.

В этом плане как вынужденную меру можно рассматривать инициативу В.В. Путина об углублении евразийской интеграции в форме Единого экономического пространства на начальном этапе². При этом следует отметить, что хотя Евразийский союз и провозглашается как открытый проект, присоединиться к нему приглашают, прежде всего, страны СНГ. Практика экономического взаимодействия в рамках ШОС наглядно продемонстрировала, что Китай на среднеазиатском направлении выступает отнюдь не как партнёр, а как конкурент России. Отсюда и отдалённая перспектива создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока также может рассматриваться как попытка обеспечить на евразийском пространстве определённый баланс сил, не позволяющий Китаю открыто заявлять о своём доминирующем положении.

Вместе с тем в потоке откликов³ на статью В.В. Путина в газете «Известия» – от сдержанно-пессимистических до ура-патриотических (реакцию либералов-сахаровцев оценивать бессмысленно по причине её полной рефлексивности) – остаётся вне внимания один из аспектов евразийской интеграции, имеющий сугубо внутрироссийское значение. Не секрет, что сепаратистские настроения культивируются не только на Северном Кавказе, но и в ряде регионов центральной части России. К примеру, ультранационалисты из Татарстана, Башкортостана и даже Марий Эл традиционно в октябре отмечают годовщины взятия Казани войсками Ивана Грозного как траурную

---

¹ Schuman Declaration and the Birth of Europe: Speech of 9 May 1950 // URL: <http://www.schuman.info/>

² См.: Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761>

³ См., напр.: Бовдунов А. Путин и евразийская интерпретация // URL: rossia3.ru/politics/Russia/putinevraz/; Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // URL: <http://izvestia.ru/news/504081>; Рязуваев А. «Статья Владимира Путина» // URL: <http://www.vz.ru/opinions/2011/10/6/528153.html>; b lb/

дату¹. С другой стороны, в блогосфере вновь реанимируется провозглашавшаяся ещё на рубеже 1980-1990-х годов порочная идея создания в составе Российской Федерации так называемой Русской республики. Соответственно, активизация интеграционных процессов в евразийском масштабе превращает и без того маргинальные национал-сепаратистские группировки в аналог «городских сумасшедших».

Определённый оптимизм в отношении «евразийского проекта» может подпитываться тем обстоятельством, что не исчерпан ещё интеграционный потенциал российской цивилизации. Свидетельством тому является сохранение за русским языком функции языка межнационального общения не только в рамках СНГ, но и в Прибалтике. Даже в ряде стран Восточной Европы наличие русскоговорящих сотрудников обеспечивает малому и среднему бизнесу некоторые конкурентные преимущества.

Устойчивость данной тенденции подтверждается и многовековым опытом становления и эволюции российской цивилизации. Л.А. Моисеева отмечает, что территорию, на которой впоследствии образовалось первое русское государство, населяли более 150 племён, но славянское доминирование среди них не вызывает сомнения, поскольку именно язык восточных славян выступал связующим звеном между культурами входивших в ареал зарождавшейся российской цивилизации народностей². Впоследствии именно русский язык и богатство русской культуры выступали в качестве факторов, обеспечивавших позитивные тенденции интегративных процессов в масштабах Российской империи, а в XX веке – в пределах не только СССР, но и мировой социалистической системы в целом.

Ещё одна отличительная и, вместе с тем, привлекательная черта российской цивилизации заключается в преобладании ненасильственных методов формирования «жизненного пространства». В этом она существенно отличается от европейской (западной) цивилизации, в настоящее время претендующей на образцово-показательный источник общечеловеческих ценностей, хотя склонность Запада к массовому насилию при решении проблем любого уровня подкреплена обширным историческим материалом.

А.И. Уткин выделяет три наиболее ярких периода массового насилия в истории Запада:

1. Эпоха Реформации и Контрреформации (XVI-XVII вв.), апофеозом которой стала, пожалуй, Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.).

2. Эпоха Великой Французской революции и наполеоновских войн (1789-1815 гг.).

3. XX век – эпоха столкновения идеологий, особенно в период Второй мировой войны (1939-1945 гг.)³.

¹ См.: В Казани татарские националисты надели натовские каски // URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-volga/tatarstan/1456218.html>

² См.: Моисеева Л.А. История цивилизаций: Курс лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С.336.

³ См.: Уткин А.И. Запад и Россия: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000. С.526-527.

Эта схема явно нуждается в дополнениях. Отдельно можно выделить ещё и эпоху колониальных захватов, которая растянулась на несколько столетий – от начала Великих географических открытий до конца XIX в. Конечно, европейцы при этом творили насилие вдалеке от своего континента, однако логика формирования колониальных империй предполагала, что заморские территории должны были становиться неотъемлемой частью ареала европейской цивилизации. Наконец, рубежные десятилетия XX-XXI вв. предстают как эпоха массового применения Западом «гуманитарных интервенций» для решения не столько глобальных, сколько частных задач геополитического толка (установление контроля над ресурсами третьих стран, налаживание новых транспортных коридоров и т.д.).

Разумеется, насилие присутствовало и при расширении границ русского государства, но оно не играло определяющей роли. В отношении территорий, населённых народностями с неразложившейся родоплеменной структурой (не имевшими своей государственности) применим термин «мягкая колонизация». Неизбежные при этом конфликты, включая вооружённые, не сопровождались, тем не менее, политикой геноцида, в отличие, например, от целенаправленного истребления индейцев в процессе заселения европейцами Северной Америки.

На среднеазиатском направлении первоначально колонизация также происходила достаточно мирно (протекторат над Хивинским ханством в 1700 г., подписание в 1731 г. ханом Малой казахской орды Абулхайром договора о принятии в российское подданство и др.). Более конфликтный характер носила российская экспансия в земледельческие районы Средней Азии в середине и второй половине XIX в., однако это было следствием геополитического катаклизма более высокого уровня, а именно – соперничества России и Великобритании за влияние в регионе.

В чистом виде покорению с помощью военной силы были подвергнуты лишь территории Северного Кавказа и частично Закавказья. Для того, чтобы обеспечить вхождение в состав России территорий, изъявивших такое желание, необходимо было подавить сопротивление горских народов, практиковавших «набеговую экономику» и тем самым угрожавших и без того ненадёжным коммуникациям, связывающим Закавказье с Россией. Тем не менее, добровольное вхождение одних народов через частичное истребление других состоялось, и это исключение только подтверждает общее правило, то есть признание того факта, что ареал российской цивилизации формировался иными методами, нежели ареал цивилизации западной.

В настоящее время Россия, предложив всем желающим поучаствовать в «евразийском проекте», вынуждена будет выдвинуть и некий аналог наднациональной идеи, не вступающей в противоречие с политическими и культурными особенностями бытия стран-участниц. В качестве такой сверхидеи просматривается установка на интеграцию ради модернизации. Под модернизацией в данном случае понимается как завершение перехода от аграрного к индустриальному обществу (там, где это по-прежнему актуально), так и начало нового перехода – от индустриального к постиндустриальному обществу.

Как известно, выделяют два типа модернизации: спонтанную и вторичную. Если первый тип инициируется потребностями внутреннего развития, то вторичная или «догоняющая» модернизация осуществляется на основе использования опыта передовых стран¹. Соответственно, спонтанный характер модернизации обеспечивается постоянно растущим спросом в сочетании с наличием необходимых политических и экономических свобод. Во втором случае инициатором и главным спонсором процессов обновления неизбежно выступает государство. Пример так называемой «сталинской модернизации» свидетельствует об этом достаточно наглядно².

В таком случае России предстоит выступить в роли *core state* по С. Хантингтону. При этом основная миссия нашей страны будет заключаться не в финансировании совместных проектов (хотя и это неизбежно), а в обеспечении процесса модернизации евразийского пространства технологическими и социальными инновациями. В этом плане, как показала дискуссия по ходу II Международной конференции «Проблемы международного сотрудничества в рамках ШОС», у России имеются определённые возможности. Если же и Китай в той или иной форме включится в «евразийский проект», Шанхайская организация сотрудничества может стать одним из инструментов и даже гарантов модернизационного перехода на обширнейшей территории от Атлантики до Тихого океана.

---

¹ См.: Арсентьев Н.М. Российская модернизация XVIII – начала XX века: проблемы экономического развития и социально-политического выбора // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы Десятой юбилейной всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 27-28 сентября 2011 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2011. – Т.1. – С.17.

² См.: Алексеев В.В. Триумф и трагедия советской модернизации 30-х гг. XX в. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы Десятой юбилейной всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 27-28 сентября 2011 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2011. – Т.1. – С.8.